

ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ДИСКУССИИ О ПУТЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XIX-XX ВЕКОВ

МАУ Владимир Александрович, д.э.н., профессор, mau@ganepa.ru, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5407-4473; Scopus Author ID: 6602498235

В статье анализируется эволюция экономической мысли в России на протяжении XIX-XX вв. Рассматриваются глобальный контекст, в котором складывалась российская экономическая наука, и те цели, которые перед ней стояли. Дается представление о том, как формировались взгляды на развитие страны, экономическую политику, роль государства в экономике. Показано, что в начале XIX в. доминирующий характер носили идеи классического экономического либерализма. Раскрывается вопрос формирования проблемы догоняющего развития и ее влияние на экономическую научную мысль в России. Описаны основные направления развития взглядов на управление экономикой под воздействием ее усложнения в процессе развития промышленности. В частности, усиление роли государства и формирование приоритетов экономической политики. В то же время подчеркивается, что к концу XX в. методы государственного управления экономикой пережили тяжелый кризис, связанный, в том числе, и с распадом советского блока. Однако уже в начале XXI в. под влиянием ряда объективных и субъективных причин роль государства в управлении экономикой вновь стала увеличиваться.

Ключевые слова: экономическая мысль, развитие экономики, догоняющее развитие, экономическая политика, государственное управление экономикой.

DOI: 10.47711/0868-6351-194-58-67

Введение. Экономическая наука в ее нынешнем виде возникла с началом современного экономического роста. Она должна была изначально решать задачу определения и преумножения богатства общества («богатства народов»), что, по сути, является задачей двуединой – обеспечение благосостояния граждан и обеспечение военно-политических успехов государств. Иными словами, экономическая наука, при всей важности теории, является, прежде всего, прикладной дисциплиной.

Существуют два основных фактора, оказывающих решающее влияние на задачи, стоящие перед экономической мыслью. Они во многом детерминируют ход развития экономической науки и предлагаемые ей практические (экономико-политические) рекомендации.

Во-первых, характер технологической базы общества на конкретном этапе развития, или достигнутый уровень научно-технического прогресса [1]. Этот фактор определяет конкретные политические, социальные, экономические институты, а также доступный инструментарий решения (т.е. экономические решения и рекомендации). Экономисты, как и все общество, не могут вырваться за рамки типа и уровня технологического развития, которые, в конечном счете, и определяют характер общественных институтов и рекомендации по их совершенствованию.

Во-вторых, для экономических исследований и рекомендаций очень важен исторический опыт развития и решения стоявших перед обществом задач. Ключевым является как собственный, национальный, опыт, так и уроки, которые могут дать другие страны. С учетом неравномерности экономического развития в условиях начавшегося в XVIII в. современного экономического роста, для стран догоняющей модернизации особенно интересен опыт других государств на этапе, когда они находились на сопоставимом уровне социально-экономического развития (или среднедушевого ВВП) [2]. По сути, речь идет об эмпирическом, историческом контенте конкретного общества. Это понятие объединяет всю историческую память народа

от понимания собственного места в мире (включая уровень «нормального» состояния, терпимости к режиму, степень интеграции специфических национальных институтов в управление страной, терпимость к иностранному и так далее) до накопленного опыта разрешения экономических, социальных и политических кризисов.

Иными словами, экономическая наука, равно как и экономическая политика, будучи прикладной дисциплиной, – не универсальна, особенно в части практических рекомендаций, она всегда исторична и находится в зависимости от конкретного этапа развития общества и состояния научно-технологической базы.

Экономический рост – понятие не вечное, исторически ограниченное. Во-первых, в современном понимании его не существовало 300 лет назад. Из сказанного следует равнозначность гипотез, как, что экономический рост, начавшись в XVIII в., теперь навсегда, так и, что раз он начался, то когда-нибудь закончится. Во-вторых, неравномерность экономического роста означает, что всегда есть опережающие и отстающие страны.

Это приводит к появлению дифференциации экономического развития, что создает ключевой вызов современной экономики – догоняющее развитие. Иначе говоря, необходимость решения задачи сближения уровня экономического, политического и социального развития или же выход на сопоставимые либо опережающие темпы роста. Иными словами, экономика – это наука о том, как наиболее эффективно использовать ограниченные ресурсы для достижения наибольших показателей экономического роста, конечная цель которого – повышение благосостояния общества и отдельных граждан.

В истории современного экономического роста можно выделить несколько специфических этапов, отличающихся характером экономических вызовов и, соответственно, рекомендаций экономической науки в части ответов на эти вызовы. Это экономика аграрного общества, начальные этапы формирования промышленного капитализма, индустриализация и появление вызовов догоняющего развития, современное постиндустриальное или информационное общество.

На каждом из этих этапов существует свое понимание инструментария разрешения проблемы догоняющего развития, собственный эмпирически-исторический опыт и, безусловно, различный научно-технологический тип экономики.

Господство классического экономического либерализма. Первый этап – примерно до начала XIX в. – это период, когда еще нет современного представления об экономическом росте. Ведущими странами были тогда аграрные монархии: Франция, Испания, Османская империя, Великобритания, Российская империя. Подавляющее большинство населения этих держав были крестьянами, а экономика строилась на сборе налогов с ресурсной базы (населения), обеспечивающей возможность нанимать или содержать армию. В этот период уровень развития определялся не масштабом промышленного производства (количеством заводов), а размерами подконтрольной территории с земельными и людскими ресурсами.

Тогда рецепт экономического благосостояния был наиболее четко сформулирован основоположником классической экономики Адамом Смитом: «Для того, чтобы государство могло подняться от низшей ступени варварства к высотам изобилия, нужны лишь мир, низкие налоги и эффективная судебная система – тогда все остальное приложится. Все правительства, которые насильственно направляют события иным путем или пытаются приспособить развитие общества, противоестественны. Чтобы удержаться у власти, они вынуждены осуществлять угнетение и тиранию» [3].

Идеи А. Смита основаны на принципе *laissez faire, laissez passer* (пусть все идет, как идет), т.е. свободного экономического развития. Напомним, что экономисты классической школы считали наиболее верным способом стимулирования развития промышленности (ремесленного производства) и торговли – невмешательство государства. С позиций индустриального общества XIX-XX вв. этот принцип выглядит странно. Кажется, что при таком

подходе промышленные страны должны оставаться промышленными (развитыми), а аграрные – аграрными (отсталыми). Однако здесь важно понимать технологический и политический контекст эпохи: в момент формирования классической экономической школы не было понимания разделения отраслей на прогрессивные и отсталые. В середине XVIII в. промышленность не была более значимой, чем сельское хозяйство, в этот период аграрное производство вносило более значительный вклад в экономику государств и в обеспечение военно-политического могущества.

В терминах военного и политического успеха доминирующими политическими, военными и, как следствие, экономическими державами были аграрные колониальные монархии, а вовсе не промышленные или торговые республики. Геополитический потенциал торговых республик и союзов (Венеция, Ганза, Генуя) уходил на второй план. Это было связано с рядом факторов: переменами в потреблении, изменением торговых маршрутов и способов доставки товаров в Европу, появлением колоний (как следствие – обширных внутренних рынков).

Отсюда вытекает представление многих правителей XVIII – начала XIX веков о предпочтительном устройстве общества. Например, когда Николай I препятствовал развитию промышленности, он исходил из того, что промышленность не источник военного или политического успеха, а наоборот – катализатор социальной нестабильности. Так как формируемому новому классу – буржуазии, как драйверу экономического роста, необходимы были иные институты, например, защищающие частную собственность, обеспечивающие стабильность экономических норм, рабочая сила иной квалификации, городские агломерации и так далее. Для этого нужно было не только перестраивать государственные институты, но и ослаблять основу экономического развития того этапа – крестьянство. Это, естественно, порождало и политическую нестабильность. Поэтому соответствующие решения по промышленному сдерживанию – результат политической и экономической недалекости, ошибка, но никак не глупость, поскольку эти решения основывались на многовековом опыте прошлого.

Соответствующее понимание вопроса сформулировал министр финансов Российской империи (1823-1844) Е. Канкрин: «Иногда говорят, что собственник лучше всех знает, как использовать свое имущество. Разумеется, в своих интересах, но не интересах целого, которому, однако, должна быть подчинена всякая собственность, поскольку лишь при этом основном условии может вообще состояться собственность» [4].

Неравномерность развития и появление проблемы догоняющего развития. К середине XIX в. окончательно проявляет себя неравномерность экономического развития, фактически, с этого периода можно отсчитывать современное понимание проблемы догоняющего развития.

Последний классический экономист Дж.С. Милль сформулировал способ решения задач ускорения модернизации следующим образом: «Во-первых, улучшение форм управления, более совершенная защита собственности; умеренные налоги и уничтожение произвольных вымогательств, осуществляемых под видом сбора налогов. Во-вторых, желаемого результата можно достичь посредством повышения уровня умственного развития народа, искоренения обычаев и предрассудков, препятствующих эффективному использованию труда и развития умственной активности, пробуждающего в людях новые устремления. В-третьих, привлечение иностранного капитала. В большей или меньшей мере эти соображения относятся к населению всех стран Азии, а также к наименее цивилизованным и неразвитым в промышленном отношении районам Европы, например, России, Турции, Испании и Ирландии» [5].

Принципы не изменились до сих пор: эффективное государство, система образования и привлечения иностранного капитала (в самом широком смысле: технологии, опыт, кадры, деньги и иные ресурсы). С той поры задача системно не менялась, лишь конкретизировалась.

Именно в этой логике задумывались Великие реформы Александра II: отмена крепостного права, финансовая, судебная, земская, военная реформы. Происходило формирование институтов, которые отвечали современным для того времени вызовам экономического развития. Российской империи необходимо было уйти от устаревшей системы подушной подати, ориентированной на крепостное право, заложить институциональную основу сохранения, защиты и стимулирования развития промышленности, что потребовало и земской (реформы местного самоуправления), и городской реформ. При Александре II в России реализовывались модернизационные реформы, нацеленные на решение задач догоняющего развития.

Этот этап отличается укрупнением хозяйственных субъектов – драйверами экономического развития становятся не одиночные домохозяйства, а крупные промышленные предприятия. Это порождало необходимость и возможность централизации во всех сферах жизнедеятельности общества – предприятий, рынков, финансов, людей и их культурного прогресса.

Появляется и разделение на прогрессивные и отсталые отрасли. Перед обществом и государством встает задача определиться с отраслевыми приоритетами: вкладывать ресурсы в промышленное развитие, забирая их у аграрного сектора. Новый технологический этап привел к ускорению изменений особенностей хозяйствования и вообще жизни общества, когда каждое новое поколение стало жить иначе, чем предыдущее. До этого жизнь в технологическом и экономическом отношениях не менялась на протяжении столетий, то есть многих поколений.

Появление крупных промышленных форм позволило начать разрешать проблему дефицита (например, продовольственного), появились свободные экономические ресурсы, что вызвало рост потребностей населения. Однако эти потребности были все еще на примитивном уровне. Из относительной простоты потребностей и очевидности приоритетов вытекала возможность среднесрочного планирования и понятных направлений перераспределения средств. Это и означало возможность централизованной организации модернизационного рывка (индустриализации).

Возрастающая роль государства в России. В XIX в. ключевыми драйверами экономического развития становятся крупные фабрики и заводы, которым необходимо иное устройство экономики, инфраструктура иного уровня (например, железные дороги). Возникла необходимость вкладывать ресурсы в улучшение качества человеческого капитала. Усложняется экономика – теперь недостаточно вырастить аграрную продукцию, привезти ее на рынок и продать, заплатив при этом налоги. Развиваются технологии, появляется понимание консервативных и прогрессивных отраслей (т.е. значимость отраслевого перехода и трансформации), возрастают возможности потребления, появляются свободные ресурсы, растет социальное неравенство. Государство начинает играть все более и более существенную роль в экономической жизни общества.

Безусловно, с учетом эмпирического опыта развития различных стран уровень дирижизма в их экономике был различным.

«В России по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости, и где государство только регулирует частную деятельность. В Англии (правящий – *авт.*) класс должен только направлять частную деятельность, в России, кроме направления частной деятельности, он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности» [6].

К этому времени мир уже прочно вошел в период, когда политическое, военное и экономическое господство не могло быть обеспечено без промышленной базы.

А. Гершенкрон формулирует необходимый государственный инструментарий [7-9]: бюджетная и налоговая политика, госбанки, обеспечивающие финансирование или поддержку приоритетных отраслей [10]. В этот период главной задачей государства становится правильное распределение имеющихся ресурсов.

«Нехватка капитала в России ощущалась в такой степени, что никакая банковская система не была бы в состоянии привлечь достаточное количество средств для финансирования широкой индустриализации. Принципы порядочности при ведении бизнеса настолько часто нарушались, а общество относилось к предпринимателям с таким огромным недоверием, что вряд ли какой-нибудь банк мог возлагать надежду на привлечение даже тех небольших капиталов, которые имелись в наличии. Банки также не могли успешно заниматься долгосрочным кредитованием в условиях такой экономической ситуации, когда мошенническое банкротство стало практически повсеместной практикой» [11].

В условиях ограниченности и скудости ресурсов у государства появлялись бюджетные и отраслевые приоритеты. Ключевыми направлениями государственных расходов становились институты, способствующие увеличению спроса. Прежде всего, образование, судебная система и инфраструктура (а если к этому добавить и здравоохранение, то получается современная формула).

«Здоровая финансовая политика недостижима, если не будут приняты самые решительные меры к сокращению государственных расходов. Прежде и важнее всего сокращение расходов по военному ведомству. Затем нужны сбережения и по другим частям управления, кроме лишь таких, на которые не нужно жалеть денег, собственно потому, что издержки на них ведут к подъему народного благосостояния». К таким расходам А. Абаза¹ относил издержки на училища и школы, на устройство судебной части и пути сообщения. При строгом соблюдении экономии в государственных расходах, по его мнению, «необходимо всячески поощрять трудолюбие и бережливость частных лиц – главные источники народного богатства» [12].

Одновременно необходимо было снимать барьеры для экономического роста.

«Весьма значительными затруднениями обставлена предпринимательская деятельность и русских капиталистов. По каждому предприятию приходилось иметь дело с различными ведомствами во всех инстанциях, начиная с низших административных властей и кончая высшими государственными органами, причем отношения к промышленности не были согласованы в различных ведомствах; получение разрешения часто зависело от личного взгляда того или иного представителя власти и всегда требовало много времени, длинная волокита, связанная с перепиской, ходатайствами, поездками в столицу, столкновение с разнообразными воспрещениями, ограничениями, местными постановлениями опутывали каждое новое дело, и только более смелые, в тех случаях, когда слишком большая выгода соблазняла их, решались учреждать новые предприятия. Широко развивающаяся предприимчивость не может выбирать единичные дела с исключительными выгодами, которые могут вознаградить за все неудобства, связанные с учредительством; прибыльность новых дел постепенно понижается, а риск возрастает. При таких условиях промышленность нуждается не в стесненности, а в ободряющем содействии со стороны правительственных органов, в руководящем указании, иногда в прямой помощи»².

Но стоит обратить внимание, что здесь речь не идет о выделении конкретных отраслей материального производства. Демонстрируется достаточно дальновидный, универсальный подход к проблеме.

¹ Абаза А.А. (государственный контролер Российской империи (1871-1874), министр финансов (1880-1881)). Заседание Государственного совета, 31 декабря 1880 г.

² Витте С.Ю. Доклад Николаю II «О положении нашей промышленности» (февраль 1900 г.) [13].

В XIX в. процесс развития инфраструктуры, необходимой для экономического роста, ложился на плечи государства, так как оно было вынуждено постоянно снижать затраты частного капитала, принимая на себя риски.

«Первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, на государство же возлагались все будущие убытки» [14].

Возрастающая роль государства неминуемо привела и к началу дискуссии об издержках и проблемах избыточного государственного регулирования.

В конце XIX – первой половине XX веков экономическое развитие породило ряд новых для того времени явлений для экономики.

Во-первых, увеличение доли налогов в ВВП самых развитых стран, что проявлялось как в изменении принципов собираемости налогов (например, после Великих реформ Александра II в Российской империи был изменен принцип сбора налогов), так и в вопросе тарифной, таможенной политики. Многие государства на рубеже веков также начали осуществлять протекционизм, защищая для своего производителя заградительными барьерами вход на внутренний рынок внешних игроков. Это делалось как с помощью тарифной системы, так и через административно-бюрократические процедуры.

Во-вторых, инфляция. Инфляция как проблема началась после Второй мировой войны в период стагфляционной ловушки, когда впервые рост безработицы и замедление темпов экономического роста (депрессивное состояние экономики) происходили на фоне усиливающейся инфляции³.

Поэтому в этот период одной из ключевых прикладных задач экономической мысли являлся поиск путей выхода из стагфляционной ловушки. В итоге он был найден в инструментах регулирования – возникла кейнсианская теория.

К концу XX в. дирижистские модели управления экономикой оказались в кризисе, вызванным распадом центрально-управляемых экономик советского типа, преобладанием либеральных экономических моделей, спецификой догоняющего развития, происходящего за счет уменьшения нагрузки на ВВП.

Социально-экономические вызовы XXI в. и ответы экономической науки. Начало XXI века характеризуется повышением роли государства в социально-экономическом развитии.

Возрастание роли государства в организации и регулировании экономической и социальной жизни является, несомненно, важнейшим институциональным сдвигом нашего времени. «"Возвращение государства" – это фраза, которая, казалось бы, сегодня почти у всех на устах. Учитывая глобальные проблемы, связанные с пандемией COVID-19 и изменением климата, аргумент заключается в том, что именно правительства, а не рынки, должно нести ответственность за распределение ресурсов. Неoliberalная революция, начатая Рональдом Рейганом, и Маргарет Тэтчер, по-видимому, исчерпала себя. Государственное вмешательство в стиле "Нового курса" вернулось» [16].

Рецессия 2008-2009 гг. положила начало тренду на повышение (или возрождение) роли государства в регулировании экономики. Это был поворот от модели «дешевого государства», сложившейся в результате кризиса индустриального общества и кейнсианского регулирования, к укреплению регулирующей роли государства, которого объективно потребовал новый этап технологического развития. Пандемия 2020-2021 гг. способствовала усилению этих тенденций, став, таким образом, не случайным эпизодом, а важной вехой формирования новой институциональной модели.

³ В 1970 г. уровень безработицы и инфляции в США достигли 6 и 5,5% (до середины 1960-х годов инфляция не превышала 1-1,5%, а безработица – 2-2,5%). Второй всплеск стагфляции произошел в 1974-1976 гг. – 10% инфляции и 7,6% безработицы соответственно. Аналогичная ситуация наблюдалась во время экономического спада 1981-1982 гг. [15].

Однако здесь возникают две группы вопросов. Во-первых, необходимо конкретизировать, в чем именно должна состоять роль государства в экономике. Во-вторых, встает вопрос об эффективности государства, о качестве государственного управления, а также о том, какие политические системы будут наиболее полезны в принципе и в противостоянии экономическим и неэкономическим (например, пандемия) кризисам в особенности.

Наблюдаемое в настоящее время усиление роли государства в экономике связано с резким ростом неопределенности технологической, а, следовательно, и социально-экономической динамики, причем в короткой временной перспективе. В отличие от экономического роста XIX-XX вв., качественные изменения технологий и условий жизнедеятельности происходят уже не от поколения к поколению, а в рамках одного поколения, что ведет к общей неустойчивости в развитии общества. И эту неустойчивость должно компенсировать государство [17].

Тем самым, нынешнее повышение роли государства имеет предпосылки, прямо противоположные тем, которые привели к формированию этатистской модели в первой половине XX в. Тогда усиление государственного вмешательства в экономику было обусловлено быстрым развитием крупных хозяйственных форм (индустриальных гигантов), что вело к упрощению хозяйственной структуры и возможности управления всем из единого центра. Централизация производства обуславливала и централизацию регулирования. Это создавало распространенность этатистской модели. Решение задач догоняющей индустриализации, требовавшее перераспределения ресурсов в пользу передовых отраслей, делало централизацию и огосударствление необходимыми.

В современном мире ситуация существенно иная – крайняя неопределенность технологического развития и технологических приоритетов ведет к повышенным рискам при реализации инвестиций (особенно, длинных) и внедрении инноваций. Одновременно можно констатировать, что на смену разделения на передовые и отсталые отрасли приходит разделение на передовые и отсталые технологии, причем в каждой отрасли могут быть как первые, так и вторые. Как было отмечено, неопределенность технологическая ведет еще и к неопределенности социально-политической, повышает риски дестабилизации. Государство должно взять на себя снижение этих рисков.

Современное государство должно прежде всего заняться решением двух групп задач.

Во-первых, поддержанием инвестиционной активности. Последнее десятилетие отмечено снижением интереса к частным инвестициям, что проявляется в характерной для многих стран более низкой доле инвестиций в ВВП в сравнении с долей сбережений. Это не типично российский феномен и не следствие плохого инвестиционного климата. Проблема глубже – она связана с высоким уровнем технологической неопределенности, что повышает рискованность инвестиций (см. таблицу).

Во-вторых, переосмысление государством стоящих перед ним социально-экономических задач, в связи с фиксируемым многими исследователями ростом неравенства, особенно, в результате усиления разрыва между доходами от собственности и доходами от труда. Что, в свою очередь, ведет к нарастанию популизма и политической нестабильности.

В условиях низкой склонности к инвестированию государство должно взять на себя функции «инвестора последней инстанции» [18; 19] – аналогично тому, как Центральный банк рассматривается как «кредитор последней инстанции». В отличие от этатистских моделей прошлого, такая функция государства не предполагает оттягивание средств от частных инвесторов в пользу бюрократических проектов. Сейчас наблюдается низкий интерес (склонность) к частным инвестициям, и поэтому государство может и должно компенсировать этот провал. По сути, можно говорить о возвращении к модели, близкой к классическому кейнсианству: только теперь речь идет о том, что государство должно влиять не на спрос как таковой, а на инвестиции, тогда как частный сектор должен далее следовать за государством.

Таблица

Инвестиции и сбережения в ряде стран (2017-2021 гг., % ВВП)

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Мир					
Инвестиции	25,979	26,516	26,638	26,572	26,789
Сбережения	26,616	26,995	27,017	27,177	27,764
Австралия					
Инвестиции	24,272	24,139	22,535	22,262	23,288
Сбережения	21,976	21,909	23,270	24,649	26,676
Бразилия					
Инвестиции	14,626	15,095	15,403	15,405	17,254
Сбережения	13,558	12,411	11,940	13,611	16,736
Великобритания					
Инвестиции	18,166	17,765	18,340	17,221	17,099
Сбережения	14,397	14,084	15,246	13,508	13,733
Германия					
Инвестиции	20,962	21,905	22,141	21,149	22,315
Сбережения	28,765	29,748	29,587	28,095	29,114
Израиль					
Инвестиции	21,123	21,907	21,313	22,117	22,031
Сбережения	24,735	24,743	24,664	27,556	26,489
Италия					
Инвестиции	18,054	18,529	18,011	17,500	19,488
Сбережения	20,632	21,040	21,216	21,048	23,206
Канада					
Инвестиции	23,550	23,200	22,988	22,078	24,092
Сбережения	20,748	20,860	20,938	20,260	24,616
Китай					
Инвестиции	43,172	43,961	43,068	43,122	42,941
Сбережения	44,710	44,136	43,786	44,965	44,585
Малайзия					
Инвестиции	25,547	23,897	21,044	19,733	19,693
Сбережения	28,338	26,128	24,541	23,969	23,504
Мексика					
Инвестиции	22,905	22,711	21,166	19,307	20,694
Сбережения	21,143	20,658	20,856	21,739	20,723
Россия					
Инвестиции	23,607	21,918	22,759	23,988	23,488
Сбережения	25,650	28,916	26,629	26,430	29,231
США					
Инвестиции	20,790	21,145	21,365	21,152	21,086
Сбережения	19,486	19,611	19,446	19,158	19,104
Франция					
Инвестиции	23,436	23,857	24,365	23,676	25,661
Сбережения	22,670	23,026	24,074	21,777	23,995
Чили					
Инвестиции	21,223	22,184	22,975	19,824	22,260
Сбережения	18,883	18,185	19,239	21,181	20,057
Япония					
Инвестиции	25,215	25,556	25,820	25,570	25,532
Сбережения	29,343	29,087	29,257	28,829	28,998

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2021 [20].

Если затрагивать вопрос приоритетных направлений госинвестиций, то ключевыми являются те секторы, которые повышают совокупную факторную производительность. Это, прежде всего, относится к вложениям в человеческий капитал и инфраструктуру (транспортную и цифровую). Не менее важным остается и само качество государственного управления.

Остается открытым вопрос, в какой мере эти процессы должны сопровождаться усилением налогообложения и повышением бюджетной нагрузки в ВВП [21]. Для ответа на него пока не накоплено достаточно эмпирического материала. Можно предположить, что решение инвестиционных задач правительства было бы более эффективно через механизмы целевых заимствований, а не увеличение налогового

бремена [22]. Тем более, что целевые заимствования вполне совместимы с принципом сбалансированности государственного бюджета.

Литература / References

1. Perez C., Soete L. *Catching-up in Technology*. In: Dosi G. et al. (eds.). *Technical Change and Economic Theory*. London and New York: Pinter, 1988. Pp. 458-479.
2. Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820-1992*. P.: OECD, 1995. P. 255.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 884. [Smith A. *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo, 2007. p. 884. (In Russ.)]
4. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805-1905. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 165-166. [Zweinert J. *The history of Economic thought in Russia. 1805-1905*. Moscow: Higher School of Economics, 2007. Pp. 165-166. (In Russ.)]
5. Mill J. S. *Principles of Political Economy*. L.: John W. Parker. 1848. Pp. 320-325.
6. Дубенцов Б.Б. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов) // Проблемы отечественной истории. Ч. 1. М.-Л., 1976. С. 216-217. [Dubentsov B.B. *Attempts to transform the organization of public service at the end of the XIX century. (From the practice of the Ministry of Finance)* // *Problems of National History*. M.-L., 1976. Part 1. Pp. 216-217 (In Russ.)]
7. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962. P. 468.
8. Gerschenkron A. *Continuity in History and other Essays*. Cambridge: The Belknap Press, 1968. P. 545.
9. Gerschenkron A. *Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 158.
10. Май В.А. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 4-25. [Mau V.A. *Post-Communist Russia in the post-industrial world: problems of catching up development* // *Voprosy Ekonomiki*. 2002. No. 7. Pp. 4-25. (In Russ.)]
11. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Изд. дом «Дело», 2015. С. 77-78. [Gershenkron A. *Economic backwardness in historical perspective*. Moscow: Publishing house «Delo», 2015. Pp. 77-78. (In Russ.)]
12. Перетц Е.А. Дневник (1880-1883). М.: Изд. дом «Дело», 2018. 123 с. [Peretz E.A. *Diary (1880-1883)*. Moscow: Publishing house «Delo», 2018. 123 p. (In Russ.)]
13. Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (2-я пол. XIX в.). СПб., 1999. 356 с. [The Fate of Russia: Reports and notes of statesmen to emperors on the problems of economic development of the country (2nd floor. XIX century.). St. Petersburg., 1999. 356 p. (In Russ.)]
14. Энгельс Ф. О социальном вопросе в России / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962. 451 с. [Engels F. *On the social question in Russia* / K. Marx, F. Engels. *Sobr. soch.* Vol. 22. M.: Gospolitizdat, 1962. 451 p. (In Russ.)]
15. *Social Trends* 19, 1989. Central Statistical Office, L., UK.
16. Zingales L. *Burying the laissez-faire zombie* // *Project Syndicate*, December 15, 2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/myth-of-state-versus-market-antagonism-by-luigi-zingales-2021-12> (дата обращения: 28.04.2022).
17. Май В.А. Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021-2022 гг. // Вопросы экономики. 2022. № 3. С. 9-12. [Mau V.A. *Economic Politica in the conditions of a pandemic: the experience of 2021-2022* // *Voprosy Ekonomiki*. 2022. No. 3. Pp. 9-12 (In Russ.)]
18. Hans S., Iversen M.J. *The state as the investor of last resort: a comparative study of banking crises in Denmark and Sweden* // *Scandinavian Economic History Review*. 2018. Pp. 171-189.
19. Diego C., Lucas A., Schwaab B. and Zhang X. *Risk endogeneity at the lender/investor-of-last-resort* // *BIS Working Papers*. 2019. No. 766. Pp. 7-34.
20. *International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2021*.
21. Фридман Л., Видясов М., Мельянцева В. Государственные расходы (потребление) и экономический рост. М.: РЭШ, 1998. С. 36. [Friedman L., Vidyasov M., Melyantsev V. *Government spending (consumption) and economic growth*. Moscow: NES, 1998. 36 p. (In Russ.)]
22. Frieden J. *Lessons for the Euro from early American monetary and financial history*. Brussels: Bruegel, 2016. Pp. 1-40.

Статья поступила 08.04.2022. Статья принята к публикации 12.04.2022.

Для цитирования: В.А. Май. Тренды экономической науки: дискуссии о путях российской модернизации XIX-XX веков // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5(194). С. 58-67.
DOI: 10.47711/0868-6351-194-58-67.

Summary

TRENDS IN ECONOMIC SCIENCE: DISCUSSIONS OF THE PATHS OF RUSSIAN MODERNIZATION IN THE 19th–20th CENTURIES

V.A. MAU, Doct. Sci. (Econ.), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract: The article analyzes the evolution of economic thought in Russia throughout the 19th–20th centuries. The global context that shaped Russian economic science and the goals that it has faced are considered. The processes of the formation of different views on the country's development, economic policy, and the role of the state in the economy are described.

It is shown that at the beginning of the 19th century the dominant ideas were those of classical economic liberalism. The issue of the emergence of the problem of catch-up development and its impact on the economic thought in Russia is discussed. The main directions of the development of views on regulation of the economy in the conditions of its increasing complexity in the process of industrial development—in particular, the strengthening role of the state and the selection of priorities of economic policy—are discussed. It is emphasized that by the end of the 20th century methods of government control of the economy had experienced a severe crisis, associated, among other reasons, with the collapse of the Eastern bloc. However, at the beginning of the 21st century, due to a number of objective and subjective reasons, the role of the state in economic management began to increase again.

Keywords: economic thought, economic development, catch-up development, economic policy, government regulation of the economy.

Received 08.04.2022. Accepted 12.04.2022

For citation: V.A. Mau. Trends in Economic Science: Discussions of the Paths of Russian Modernization in the 19th–20th Centuries // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 5. Pp. 506-512.

DOI: 10.1134/S1075700722050100.